

A woman with curly brown hair, wearing a thick, fur-lined parka and dark pants, stands on a rocky, moss-covered ground. She is holding a yellow and black tool in her right hand and a black rope in her left. To her left is a large, brown mammoth with prominent tusks. The background features a vast, snowy mountain range under a clear blue sky.

Дмитрий Акашев

Яна

Дмитрий Акашев

Яна

<https://litres.ru/74305223>

SelfPub; 2026

Аннотация

Якутия, 2030 год. Учёная Алёна Королёва посвятила жизнь одной безумной мечте — воскресить мамонтов. Но когда на свет появляется мамонтёнок Яна, клонированная из клеток десяти тысячелетней самки, она приносит не только надежду, но и древнюю угрозу. Вместе с генетической памятью предков Яна пробуждает палеовирус, запечатанный в вечной мерзлоте. Теперь правительство требует уничтожить животное, чтобы предотвратить пандемию. Однако Алёна понимает: убить мамонта — значит лишить планету единственного иммунитета против того, что уже идёт из глубин времени.

Пока военные готовят операцию, Яна ведёт за собой стадо травоядных вглубь тундры, туда, где её ждёт тайна, способная изменить будущее человечества. Роман о памяти, которая старше нас, об исцелении, которое мы потеряли, и о выборе между безопасностью и правдой.

Содержание

Глава 1. Сон о мамонтах	4
Глава 2. Память	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Яна

Глава 1. Сон о мамонтах

2030 год, Республика Саха (Якутия)

Ей снова приснился этот сон. Он всегда начинался одинаково: она стояла посреди бескрайней равнины, укутанной плотным, как овечья шерсть, туманом. Но сегодня туман был не просто белым — он переливался перламутром, будто внутри него плавали крошечные ледяные кристаллы, преломлявшие невидимый свет. Вокруг царил такая тишина, что звон в ушах казался единственным живым звуком. Алёна знала, что во сне ей опять семь лет, но это знание было зыбким, как отражение в тёмной воде, — она одновременно была и взрослой женщиной, и девочкой, и это двойственное ощущение придавало сну странную осязаемость.

Она опустила взгляд вниз. Босые ноги ступали по замёрзшей земле, но холод не чувствовался — только упругая, шершавая поверхность, усеянная мелкими камешками и жёсткими травинками. Каждая травинка, когда она наступала, издавала тонкий стеклянный звон, словно под ногами была не почва, а хрупкая ледяная корка, готовая треснуть. Однако Алёна знала — она не провалится. Здесь, во сне, она была невесомой и в то же время твёрдо стояла на земле.

Ей не было холодно. Наоборот, внутри разливалось уди-

вительное спокойствие, какое бывает только в детстве, когда мать гладит по голове перед сном и шепчет: «Всё хорошо». И в этом спокойствии таилась уверенность, что сейчас произойдёт нечто важное, то, что она ждала всю неделю, весь год, всю свою пока ещё короткую жизнь.

Туман начал редеть. Сначала он стал прозрачнее, потом в нём проступили тени — огромные, движущиеся, словно горы, которые вдруг ожили и пошли. Мамонты выходили из молочной пелены медленно, торжественно, как корабли из туманной гавани. Их шерсть колыхалась в такт шагам, хотя ветра не было, и каждый волосок переливался рыжим, бурым и золотистым, как осенняя листва. Бивни изгибались полумесяцами и излучали собственный жемчужный свет, от которого туман рассеивался быстрее. Они шли не стадом, а процессией — древней, как само время, и в этом шествии чувствовалась такая мощь и такая печаль, что у Алёны перехватило дыхание.

Впереди, высоко подняв мохнатый лоб, шагала самая большая самка. Её левый бивень был сколот у основания, и этот скол напоминал зарубку на дереве, оставленную кем-то давно и навсегда. Она смотрела прямо на Алёну, и в её маленьком, тёмном, как ночное озеро, глазу плескалась бездна понимания — не суда, не укора, только знание, которое старше всех человеческих книг. Девочка замерла, боясь пошевелиться, и в этот момент самка опустила хобот. Он приблизился к её лицу, и Алёна почувствовала запах — не зве-

риный, не мускусный, а терпкий, травяной, с нотками сушёных кореньев и мёда. Точно так пахли холщовые мешочки, которые бабушка хранила на чердаке, — там были душица, зверобой и ещё какие-то травы, названий которых Алёна не знала, но помнила навсегда. Хобот коснулся её лба — тёплый, шершавый, живой, — и в тот же миг она услышала звук. Он был ниже органного баса, ниже гула землетрясения, но при этом проходил сквозь неё, как волна, и наполнял каждую клетку. Это были не слова, но она поняла всё: «Мы ждём. Мы здесь. Приди». Звук повторился, и на этот раз Алёна уловила в нём что-то похожее на ритм — три долгих и два коротких пульса, как первая фраза забытой колыбельной.

Она просыпается от собственного крика. В комнате темно, за окнами воет ветер, и первые снежинки октябрьской пороши царапают стекло. Ей двадцать семь, она младший научный сотрудник, она знает, что мамонты вымерли десять тысяч лет назад, и этот сон — просто игра подсознания. Но запах сушёных трав стоит в ноздрях ещё долго. И где-то в груди, под сердцем, бьётся иррациональная, нелепая мысль: «Они зовут меня. Они ждут».

Каждую ночь в течение многих лет — с того самого дня, как отец показал ей картинку в старой книге, — Алёна ложилась спать с этой мыслью. И каждое утро просыпалась с готовностью работать, искать, расшифровывать геном, выращивать эмбрионы, терпеть насмешки скептиков. Потому что она знала: мамонты не исчезли. Они просто ушли под лёд,

как река уходит под землю, чтобы где-то далеко вынырнуть снова.

И вот теперь, спустя столько лет, она стоит посреди лаборатории в Плейстоценовом парке, а в наушниках звучит голос ассистента: «Началось. Раньше срока. На три недели». Сон больше не был сном. Он становился явью.

Ночь опустилась на Плейстоценовый парк стремительно, как всегда, на севере в начале сентября. Ещё час назад закатное солнце золотило макушки лиственниц, делая их похожими на свечи, укутанные в жёлтый мох, а теперь с реки Колымы тянуло таким пронизывающим холодом, что даже шерсть у бизонов, спящих за оградой, покрылась инеем. Воздух здесь был особенным: первозданно-чистым, пахнущим талой водой, вечностью и горькой полынью. Алёна Королёва поплотнее запахла пуховик и прибавила шаг, хрустя подмёрзшим ягелем. Она помнила, как три года назад впервые ступила на эту землю, прилетев из душной, суетливой Москвы. Тогда Якутия оглушила её своим безмолвием. Не тишиной — а именно безмолвием, когда слышно, как в нескольких километрах трубит олень, как трескается лёд на реке, как ветер пересыпает снежную пыльцу с одного бархана на другой. Это было пространство, которое не прощало суеты. Оно жило по законам вечной мерзлоты, хранящей в себе то, что давно исчезло с лица Земли.

Когда вертолёт заходил на посадку в тот первый день, Алёна увидела сверху удивительную картину: тундра была

расчерчена ровными многоугольниками, словно кто-то прошил её гигантской швейной машинкой. Ледяные жилы в земле, объяснили ей позже. С тех пор каждый раз, ступая на эту землю, она чувствовала себя не просто учёным, а кем-то вроде повитухи, принимающей роды у самой истории. Вот и сейчас, когда в свете фонаря мелькнули приземистые кусты ольховника и тёмные громады спящих овцебыков, она ощутила внутри привычный холодок волнения. Где-то там, под тонким слоем дёрна, лежал целый мир — бивни, кости, замороженные клетки. Парк был не просто лабораторией, а саркофагом, который они пытались аккуратно вскрыть.

До лабораторного корпуса оставалось метров двести, когда запищал браслет.

— Доктор Королёва, — голос ассистента разрезал тишину, — началось. Раньше срока. На три недели.

Алёна побежала, и ей показалось, что даже лиственницы вздрогнули, провожая её тревожным скрипом.

Алёна ворвалась в операционный блок, даже не сняв пуховика, и замерла на пороге, пытаясь отдышаться. За дверью, в предоперационной, уже кипела работа. Три младших ветеринара в голубых балахонах раскладывали инструменты на стерильных столиках — скальпели, зажимы, трубки для искусственной вентиляции, огромные шприцы с окситоцином и антибиотиками. Лампы над операционным столом были включены на полную мощность, и их белый, режущий глаз свет заливал помещение, делая каждую складку на коже

Бирмы болезненно отчётливой.

Старший ветеринар — высокий, сухопарый якут по имени Пётр Петрович, которому уже перевалило за шестьдесят, — стоял у головы слонихи и держал руку на её виске, ощущая пульс. Его лицо, обветренное и тёмное, как корень лиственницы, было сосредоточенным до суровости. Он обернулся на шум и коротко кивнул Алёне:

— Сердцебиение ровное, схватки — каждые семь минут. Началось меньше часа назад. Я ожидал ещё неделю, но, видимо, малыш решил не ждать.

— Крупный? — спросила Алёна, подходя ближе и автоматически надевая перчатки, которые ей протянула ассистентка.

— По узи — около ста килограммов, — ответил молодой ветеринар, которого все звали просто Сергей. Он сидел перед монитором с ультразвуковым датчиком, прижатым к боку Бирмы. — Это больше среднего для слонёнка. А уж для мамонтёнка, учитывая, что мы не знаем нормального веса... — он не договорил, но все поняли.

Пётр Петрович нахмурился:

— Опасность дистоции? — спросил он жёстко, обращаясь ко всей группе.

— Возможна, — ответила Алёна, вглядываясь в экран. — Но положение плода мы корректировали в последние недели. Он лёг правильно — головой вперёд, ножки вытянуты. Бирма достаточно крупная, чтобы родить самой, если не бу-

дет осложнений.

— Если, — усмехнулся Сергей. — Это если нас всех переженить и перекрестить заново.

— Прекрати каркать, — одёрнула его пожилая акушерка, женщина с зачёсанными в тугой пучок седыми волосами, которую звали Раиса Григорьевна. Она работала в зоопарках сорок лет и принимала роды у слонов, носорогов и даже бегемотов. — Слонята рождаются крепкими, а это на генном уровне — наша Яна, которая уже десять тысяч лет ждала этого часа. Не ной, а лучше проверь, все ли катетеры на месте.

Сергей покраснел, но спорить не стал. Он нырнул под стол и загремел инструментами. Алёна перевела взгляд на Бирму. Слониха лежала на специально укреплённом деревянном настиле, который держали два мощных металлических подкоса, чтобы пол не провалился. Её огромное тело дышало медленно и глубоко, но каждые несколько минут через него пробегала судорога — мышцы живота напрягались, и Бирма издавала низкий, утробный стон. Её хобот, обычно подвижный и любопытный, сейчас безвольно лежал на полу, лишь иногда слабо подёргиваясь. Глаза были полуприкрыты, и в них читалась смесь боли и отстранённого терпения.

— Она сильная, — сказал Пётр Петрович, словно читая мысли Алёны.

— Я работал со слонами в Индии, знаешь, они удивительные. Они помнят всё. Бирма знает, что детёныш не её — она

чувствует по запаху, по феромонам.

Но она приняла его. С первого дня беременности она охраняла этот живот, как родной. Она готовилась.

— Мы ей обязаны, — тихо произнесла Алёна. — Если бы не она, не было бы проекта.

— Не только ей, — буркнул Пётр Петрович, не отрывая взгляда от монитора, где мелькала кривая сердечного ритма. — Но давай сейчас о деле. Надо помочь ей принять удобное положение — на левый бок, чтобы плод не пережал аорту. Сергей, подложи подушки под левую лопатку. И осторожнее с хоботом, не дави. Сергей и ещё двое ассистентов поднырнули под бок слонихи, подсовывая мягкие валики, и через несколько минут Бирма издала долгий выдох — тело её слегка сместилось, и она замерла в новой позе.

— Схватки учащаются, — заметила Раиса Григорьевна, глядя на секундомер. — Теперь через пять минут. Я предлагаю сделать инъекцию релаксанта, чтобы избежать разрывов родовых путей. Пётр Петрович, вы как?

— Давай, — согласился ветеринар. — Но минимальную дозу, не больше двух миллилитров. У нас нет данных, как этот препарат действует на гибридную кровь.

Раиса Григорьевна ловко набрала шприц и вколола его в мышцу на спине Бирмы. Слониха лишь тихо фыркнула, даже не шевельнувшись. Алёна заметила, как у неё чуть приоткрылся рот — она дышала глубже, замедляя темп. Весь процесс напоминал не медицинскую процедуру, а ритуал —

древний, почти священный.

— Алёна Викторовна, вы слышите? — вдруг спросил Сергей, поднимая голову из-под монитора. — Она стонет не просто от боли. Она... как будто переключается с кем-то.

Все притихли. Из динамиков, подключённых к датчикам вибрации в полу, донёлся низкий, почти неуловимый гул. Бирма издавала его не голосом — она вибрировала всем телом, и этот инфразвук проходил сквозь доски, заставляя стёкла в шкафах мелко дрожать.

— Она зовёт малыша, — прошептала Алёна, и у неё защипало в глазах. — Она говорит ему: «Я здесь, иди ко мне».

— Чушь, — фыркнул Сергей, но беззлобно. — Это просто гормональный фон.

— А ты уверен? — парировал Пётр Петрович, бросив на молодого коллегу взгляд, в котором читалась многолетняя мудрость. — Я видел, как слонихи за два часа до родов начинали издавать такие звуки, и слонята всегда рождались здоровыми. Это не гормоны. Это язык.

Сергей открыл было рот, чтобы возразить, но в этот момент Бирма резко напряглась, и всё внимание переключилось на неё. Её дыхание сбилось, хобот дёрнулся, издав хриплый всхлип. Сквозь прозрачную плёнку родовых путей Алёна увидела движение — маленькие передние ножки, обтянутые слизью, показались наружу.

— Есть! — крикнула Раиса Григорьевна. — Идёт, голова скоро.

— Только не тянуть! — рывкнул Пётр Петрович, опускаясь на колени перед Бирмой. — Дайте ей родить самой. Мы только поддержим.

— Осторожно с хоботком, — прошептала Алёна, сжимая кулаки. — Он может запутаться.

— Вижу, — кивнула акушерка. — Нет, всё чисто, выходит параллельно ножкам. Сейчас, ещё одно потужное движение...

Бирма издала долгий, низкий стон, от которого задрожал воздух. Её мышцы сократились так сильно, что казалось, сейчас порвутся собственные рёбра. Но в следующую секунду показалась головка мамонтёнка — покрытая редким пушком, с закрытыми веками и маленькими, едва заметными бивнями.

— Осторожно, — повторил Пётр Петрович, подхватывая голову руками. — Теперь плечи, одно, второе... Давай, родная, давай!

Бирма словно поняла — она приподняла голову, упёрлась ногами в пол и выдала последнее, мощное усилие. Влажное тело мамонтёнка выскользнуло на стерильную простыню, шлёпнулось мягко, и на мгновение в операционной воцарилась тишина — только стекала околоплодная вода, да тяжело дышала мать. Алёна задержала дыхание. Мамонтёнок лежал неподвижно, и в груди у неё похолодело. Но Пётр Петрович уже действовал — он ловко провёл пальцем по ноздрям, освобождая дыхательные пути, сжал грудную клетку...

И мамонтёнок издал свой первый крик. Низкий, дрожащий, похожий на гул виолончели, он пронзил помещение, и Бирма отозвалась — она протяжно загудела, коснувшись хоботом головы своего приёмного детёныша.

— Живой! — выдохнула Алёна, и вместе с ней этот возглас вырвался у всех: у Сергея, у Раисы Григорьевны, даже у невозмутимого Петра Петровича, который коротко перекрестился, прежде чем вытереть вспотевший лоб.

— Смотрите, — сказала Раиса Григорьевна, указывая на Бирму. Слониха, всё ещё тяжело дыша, уже повернулась к мамонтёнку и начала облизывать его шершавым языком, счищая слизь и стимулируя кровообращение. В её глазах стояли слёзы — настоящие, крупные, как капли дождя, и Алёна не могла сдержать своих. Она опустилась на колени прямо в луже вод, протянула руку и погладила влажную спинку малыша.

— Здравствуй, Яна, — прошептала она, и в этом шёпоте смешались усталость, радость и осознание того, что они только что совершили нечто большее, чем научный эксперимент. Они вернули жизнь туда, где её не было тысячу лет.

Глава 2. Память

Первые полгода прошли как во сне. Яна оказалась на удивление жизнеспособной. Уже на третий день она встала на ноги и потянулась хоботом к бутылочке с молочной смесью, составленной по спецзаказу в новосибирском институте. Бирма, суррогатная мать, приняла детёныша настороженно, но спокойно — видимо, феромоны сработали. Мамонтёнок деловито сосал молоко, набирал по полкило в день, а через месяц начал пробовать траву.

Секретность была тотальной. Проект курировало Министерство науки, но реальное финансирование шло по линии спецпрограмм, с грифом «Совершенно секретно». Официально Плейстоценовый парк Сергея Зимова занимался восстановлением мамонтовой степи — и это было правдой. Овцебыки, якутские лошади, бизоны, олени — все они уже паслись здесь, вытаптывая современную тундровую растительность и давая шанс злакам, которые когда-то кормили гигантов. Но никто за пределами узкого круга не знал, что в закрытом вольере номер семь, на берегу безымянного ручья, пасётся самый настоящий мамонт.

Странности начались в апреле, когда Яне исполнилось семь месяцев. Она вдруг перестала брать комбикорм. Просто отодвигала миску хоботом и уходила в дальний угол вольера, где сквозь подтаявший снег пробивалась какая-то редкая

осока. Алёна засекала это на камерах, пришла посмотреть — и застала Яну за странным занятием. Мамонтёнок тщательно выбирала стебли одного конкретного вида, обнюхивала их, а затем с видимым удовольствием съедала. Ботаник группы, пожилой профессор Селиванов, поднял архивы.

— Плейстоценовый эндемик, — сказал он, разглядывая гербарный образец.

— *Carex pleistocenica*. В современной флоре почти исчез, остался только здесь, на мерзлотных проплешинах. Но откуда она знает? Мы не давали ей эту траву. В справочниках её нет. Она не могла научиться.

— Инстинкт? — предположила Алёна.

— Инстинкт так не работает, — покачал головой Селиванов. — Инстинкт — это общая схема: «ешь траву». А здесь видовая селекция. Она отличает этот вид от десятка похожих. Это память. Конкретное знание.

Алёна тогда не придавала значения. Мало ли, обоняние, вкусовые рецепторы, генетически заложенные предпочтения. Но через неделю Яна сделала такое, что заставило пересмотреть всё.

Был вечер. Алёна сидела в лаборатории, обрабатывая данные телеметрии, когда динамики наружного наблюдения вдруг загудели низким, утробным звуком. Он шёл не через микрофоны — они не фиксировали ничего. Но датчики вибрации, установленные на изгородях и в почве, выдали чёткий сигнал: инфразвук, частота около 15 герц, продолжи-

тельность — 28 секунд. Яна стояла в центре вольера, подняв хобот, и издавала этот звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.